

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.23>

Егорова Ольга Анатольевна

РАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЙ ПОЗНАНИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ЛОГИКА И СОФИСТИКА

В статье проведен анализ оснований познания в античной философии, которые исследовались в логическом учении Аристотеля в противоположность учениям софистов. Автор раскрывает теоретико-познавательные и культурно-исторические предпосылки становления логики, обусловившие сущность и постановку задач логики, связанных с исследованием проблемы оснований познания, в отличие от софистики. В статье обосновано, что в отличие от теории и практики софистов, гносеологической основой которых был субъективизм и релятивизм, Аристотель разработал логику как общую теорию рассуждения и теорию доказательства в виде рациональной доктрины универсального объективного научного уровня познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/23.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 128-136. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 16:165+165.15+160.1

Дата поступления рукописи: 26.09.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.23>

В статье проведен анализ оснований познания в античной философии, которые исследовались в логическом учении Аристотеля в противоположность учениям софистов. Автор раскрывает теоретико-познавательные и культурно-исторические предпосылки становления логики, обусловившие сущность и постановку задач логики, связанных с исследованием проблемы оснований познания, в отличие от софистики. В статье обосновано, что в отличие от теории и практики софистов, гносеологической основой которых был субъективизм и релятивизм, Аристотель разработал логику как общую теорию рассуждения и теорию доказательства в виде рациональной доктрины универсального объективного научного уровня познания.

Ключевые слова и фразы: основания рационального познания; предпосылки логики; форма, сущность, законы логики; силлогистика; теория доказательства; софистика; релятивизм.

Егорова Ольга Анатольевна

*Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск
egorovaoa@susu.ru*

РАЦИОНАЛИЗМ И РЕЛЯТИВИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЙ ПОЗНАНИЯ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: ЛОГИКА И СОФИСТИКА

Введение

Одной из ключевых философских тем в осмыслении проблемы «оснований человеческого бытия и мышления» [24, с. 98] выступает тема рациональности, связанная с исследованием «основополагающей роли рациональных начал человеческого бытия и познания» [38, с. 806]. *Актуальность* исследования данной темы обусловлена вопросами о «роли рациональности в основании научного знания», о возможности сохранения классической формы рационального познания в современных условиях «воздействия внешних социокультурных и психологических детерминаций», а также о способности на основе «сущностных характеристик феномена рациональности противостоять современным тенденциям релятивизма» [35, с. 22]. Актуальность обращения к теме рациональности в античности для современной философии и науки может быть связана с тем, как указывал В. С. Швырев, что существует опасность отрыва или «отчуждения» научно-теоретического мира и сознания от живой, многообразной, противоречивой действительности и от жизни людей в полноте бытия с их личностным сознанием, опасность превращения теоретического мира в самодовлеющую суперструктуру. Это ведет «к подавлению свободы и многообразия живого личностного мировосприятия и мироотношения», к догматизации теоретических конструкций, выступающих в виде «идеального плана, программы, проекта тотального, обязательного, принудительного преобразования действительности – общества, людей, природы» [37, с. 93]. Поэтому актуальность обращения к теме рациональности в античной мысли связана как с тем, что в античной классике «нет противопоставления теории, мира “идеальных сущностей” реальной душевной жизни человека, сфере его поступка», так и с тем, что в отличие от современных позитивистских и релятивистских установок рациональность в античной философии «не является этически нейтральной» [Там же, с. 100]. Рациональное постижение мира становится способом нравственного, духовного бытия и совершенствования человека. Об этом говорится в трудах М. Мамардашвили [23, с. 93-95, 208-211, 246-249; 24, с. 113], П. Адо [1, с. 18-19], А. Гусейнова [12, с. 5-9], И. Грифцовой [10, с. 4-5] и др.

Научная значимость исследования темы рациональности в античной логике в отличие от софистики для современной теории познания, эпистемологии и философии науки связана с выдвинутым еще в античности принципом разумного обоснования, ставшим «одной из причин, обеспечивших древнегреческой науке исключительное развитие» [6, с. 17]. В античности была заложена традиция поиска оснований бытия и познания, с момента становления теоретико-познавательной проблематики в философии «четкое выражение получили гносеологические, логические и методологические аспекты рассмотрения понятия “основание”» [16, с. 9-10], а исследования субъективных и объективных оснований познания в античной философии и логике способствовали постановке проблемы истины в философии и науке, обращению внимания «к познавательным процедурам, методологии поиска истины и ее критериев» [Там же, с. 188-189], а также «выделению рационально-логического аспекта аргументации как процедуры обоснования» [18, с. 22-23]. В этих исследованиях были заложены позиции против релятивизма и скептицизма в познании. Поэтому, обращаясь к теме рационализма в противостоянии релятивизму при осмыслении проблемы оснований познания в античности, в работе поставлена *цель*: выявить специфику и различие объективного и субъективного подходов в исследовании проблемы оснований познания в логике и софистике, выявляя характерные черты рационализма и релятивизма в познании, сложившиеся в античности. Для достижения поставленной цели необходимо, *во-первых*, рассмотреть предпосылки, обусловившие постановку задач логики в поиске оснований познания в отличие от софистики, *во-вторых*, раскрыть специфику и следствия субъективного подхода софистов в познании, *в-третьих*, выявить гносеологическую основу, специфику и следствия объективного подхода в исследовании оснований познания в логике Аристотеля в отличие от учения софистов.

1. Теоретико-познавательные и культурно-исторические предпосылки становления логики в античности в противоположность позициям софистов

Исследуя предпосылки возникновения логики и различные подходы в античности к проблеме оснований познания, необходимо определить термин «основание рационального познания». В гносеологии, эпистемологии и философии науки основания рационального познания могут рассматриваться в плане внутренней структуры и динамики научного знания, а также со стороны его социокультурной обусловленности. Под основаниями рационального познания понимают «условия и правила понятности, предшествующие нашей возможности знать» [24, с. 107], «предусловия, предпосылки познания и понимания» [Там же, с. 222], которые выступают как «представления о мире и способах его постижения» [21, с. 26], как «фундаментальные идеи, понятия и представления, определяющие стратегию исследования, на которых развиваются конкретные эмпирические знания и объясняющие их теории» [34, с. 267-270], которые «организуют многообразие конкретных теоретических и эмпирических знаний в целостную систему, обеспечивают их включение в культуру той или иной исторической эпохи» [38, с. 667]. В структурном аспекте выделяют идеалы и нормы исследования; научную картину мира, философские основания науки. В логико-методологическом аспекте основания познания изучают в связи с исследованием обоснования как познавательной процедуры, термины «основание» и «обосновываемое» служат обозначением «двух компонентов обоснования» [26, с. 20], понятие «объективное основание» относят к «объективному содержанию знаний» [18, с. 26] и выделяют как объективное обоснование, связанное со «сферой существования объективных процессов, связей и отношений» [26, с. 141], так и «субъективное (антропологическое)» [Там же].

Поиск объективных и субъективных оснований познания осуществлялся уже в античном рационализме. Его характерной чертой стала исходная установка, сложившаяся при переходе от мифологического к теоретическому, рефлексивному способу мышления и понимания, что только с помощью разума как универсальной духовной способности человека, только рациональными методами можно постичь мир, «что получение истинных результатов в познании невозможно без использования рациональных методов» [21, с. 26]. К. Эвангелиу отмечает, что, зародившись в античности, рационализм в противоположность эмпиризму «движется от всеобщих, самоочевидных и аксиоматических принципов к выводам, которые следуют необходимо из этих принципов» [39, с. 18]. М. Мамардашвили отмечал, что античный рационализм был направлен на поиск общего принципа в существовании многообразных вещей и явлений, предполагал постижение разумом необходимых связей и отношений вещей как формы – всеобщего «*логоса* – порядка мира и одновременно *топоса* речи» [24, с. 94], имеющего свои законы, рационально познаваемые. «Логосом называли производящее слово, внутри которого возникают акты понимания» [23, с. 93-94]. Также в античном рационализме шел поиск объективных оснований, критериев и средств познания в отличие от софистов, исходивших из субъективности всякого знания. Спецификой античного рационализма, согласно А. Ахманову, П. Гайденко, стало осмысление вопросов «образования философских понятий и методов» [9, с. 94], стремление не только к получению результатов, но и к их разумному обоснованию как принципу познания, означающему «в вопросах знания отказ от религиозного и исторического авторитета и замену его авторитетом человеческого разума» [6, с. 16].

При рассмотрении предпосылок становления логики в античности исследователи отмечают связь логики с возникновением науки и философии, а также необходимость противостоять софистическому скептицизму, субъективизму и релятивизму в отношении рационального познания. Теоретико-познавательные и культурно-исторические условия становления логики были рассмотрены в трудах А. Ахманова, В. Бочарова, П. Гайденко, И. Грифцовой, Б. Грязнова, М. Мамардашвили, Ф. Кессиди, В. Соколова, Г. Соринной, В. Меськова, Я. Слина, Е. Смирновой и др. На основе изученных работ можно выделить четыре основных фактора или условия, имеющих значение для становления логики в связи с исследованием проблемы оснований познания в античной философии. *Во-первых*, вследствие того, что в античной философии и науке было введено различие между «миром по мнению» и «миром идеальных сущностей» как истинным, действительным миром, который возможно рационально познавать и рационально обсуждать «общезначимо и аргументированно», путь словесно-рационального познания стал отличительной особенностью античной философии в отличие от восточной традиции, поэтому, указывал М. Мамардашвили, «мы видим в античности такой взлет в развитии логики» [24, с. 94, 115]. В этой связи в работах Е. Смирновой и И. Грифцовой указывается на глубинную связь проблем логики с онтологией и теорией познания, «поскольку там рождаются идеальные объекты и связи, составляющие базу логических операций и отношений» [30, с. 117], образуется «связь логики, выделяемых в ней структур с философскими представлениями о реальности» [10, с. 53].

Во-вторых, необходимо указать, что становление логики было тесно связано с концепциями мыслителей классической античной философии, направленными на поиск объективных, универсальных, внеопытных оснований познания, в отличие от учений софистов, исходивших из позиций субъективности и относительности в познании. Вследствие того, что в учениях Сократа, Платона и Аристотеля исследовались понятия, идеи, принципы и категории как рациональные онтологические и познавательные конструкции, относящиеся к форме как порядку, объективно существующему на своих неэмпирических основаниях, с целью поиска объективной истины (сущности) в гносеологии был поставлен вопрос о правильном мышлении. В этой связи А. Ахманов отмечал, что к возникновению логической проблематики в античности привела постановка вопроса о том, «каким условиям должно удовлетворять мышление, чтобы осуществилось познание и цель его – истина» [6, с. 7-8].

В-третьих, при обсуждении теоретико-познавательных предпосылок становления логики в трудах исследователей отмечается, что значимым условием становления логического познания в античности стали

вопросы, связанные с доказательностью философских и научных изысканий. В этой связи работы Б. Грязнова, Г. Сориной и В. Меськова, В. Соколова и др. указывают на «растущую потребность в оформлении доказательности философских рассуждений» [33, с. 96], «научных доказательств в математике» [31, с. 150] и «античном естествознании» [11, с. 233]. В работах Ф. Кессиди, В. Лекторского, П. Гайдено, Я. Слинни, А. Ахманова обосновано, что аргументированное изложение позиций посредством понятий и доказательств уже было характерной чертой раннего периода развития греческой науки и философии, а «переход от эмпирических представлений к понятийно-доказательному знанию ознаменовал открытие науки (и философии) как нового вида интеллектуальной деятельности» [19, с. 92]. Главной целью теории было понимание явлений мира «посредством доказательства, исходящего из посылок, истинность которых постигается интуитивно» [21, с. 27]. Но, учитывая отсутствие «развитой рефлексии по поводу самой теоретической деятельности и ее оснований» [9, с. 93] в досократических учениях, в учении Аристотеля на основе тезиса, что не всякое знание доказываемое, ибо знание непосредственных начал науки недоказуемо, была осмыслена необходимость «разработать в общем виде вопрос о любых доказательствах» [29, с. 42] и выдвинут «принцип разумного обоснования, на котором зиждется идея доказывания и доказывающей науки, логики» [6, с. 17].

В-четвертых, при рассмотрении культурно-исторических предпосылок логики в трудах А. Ахманова, Б. Грязнова, Г. Сориной и В. Меськова, П. Адо, М. Вольф и др. отмечается связь научно-философской мысли с общественно-политическими условиями жизни Афин в V-IV в. до н.э., когда существовал общественный запрос на подготовку лиц в сфере государственной, политической деятельности и судебной практики, «одна из самых значимых функций которых состояла в умении говорить и выступать публично» [8, с. 289]. Поэтому возникло движение софистов, занимавшихся вопросами государства, права, морали, риторики. Главная цель их деятельности, отмечал П. Адо, состояла в том, чтобы «давать образование, обеспечивающее успешное участие в политической жизни, чтобы уметь убеждать народ и влиять на решения, принимаемые народным собранием» [1, с. 27]. Платон следующим образом характеризовал риторику как искусство красноречия софистов: «Красноречие принадлежит к тем искусствам, которое все совершает и всего достигает словом. Это способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Это способность владеющего словом и умением убеждать толпу» (Платон. Горгий, 451 d, 452 d-e) [27, кн. 1, с. 263-265]. Г. Сорина и В. Меськов указали, что вследствие значимости ораторского искусства в принятии решений в жизни общества и государства «областью систематизации логических рассуждений стала сфера политики и практика ораторского искусства» [33 с. 96]. Однако А. Ахманов подчеркнул, что, хотя риторика и искусство спора (эристика) активно культивировались софистами, но стали «основой теории убеждения софистов, а не общенаучной теории доказательства» [6, с. 31-32].

Таким образом, на основе анализа теоретико-познавательных и культурно-исторических предпосылок логики, значимых для становления логики в связи с поиском оснований познания в античности, можно заключить, что путь словесно-рационального познания, характерный для античной философии в отличие от восточной традиции, стал одним из решающих факторов становления логики. Учения о познании мыслителей классической античной философии Сократа, Платона и Аристотеля стали фундаментом развития объективного подхода в исследовании оснований познания в логике в отличие от субъективного подхода к познанию софистов. Необходимость всестороннего осмысления вопроса о доказательности и обоснованности познания выступила стержнем для разработки логики как теории рассуждения и доказательства, связанной с вопросами объективного истинного познания, в отличие от ораторского искусства (риторики) и эристики софистов, развивавших теорию убеждения, связанную с вопросами публичного выступления и обсуждения.

Далее, согласно поставленным в работе задачам, необходимо раскрыть специфику и следствия субъективного подхода к основаниям познания в учении софистов, прослеживая характерные черты релятивизма в познании.

2. Специфика и следствия субъективного подхода софистов и софистики в познании

Анализ литературы, связанной с характеристикой учений софистов как философского течения, показывает, что в отличие от первоначального значения слова «софист» как мыслителя, мудреца вообще впоследствии оно приобрело узкое значение в связи с деятельностью платных учителей философии и разных наук. В диалогах Платона «Софист», «Протагор» дается критическая характеристика софистов как «торговцев знаниями, относящимися к душе», которые подобно торговцам съестными припасами продают «свой товар оптом и в розницу всем желающим» (Платон. Софист. 231 d-e; Протагор. 313 d) [27, кн. 1, с. 195, 963]. Критикуя практику софистического образования, французский мыслитель П. Адо отметил, что хотя в их задачи входит не только преподавание техники убедительной речи, но также разнообразных средств, расширяющих кругозор, однако «они не основывают постоянных школ, а предлагают учебные курсы за вознаграждение и, чтобы привлечь внимание слушателей, делают себе рекламу, выступая с публичными лекциями, демонстрирующими их познания и способности» [1, с. 28-29]. Поэтому, как верно замечено в работе М. Вольф, софистика не является «школой» в отличие от классических школ философии (Академии, Ликей и др.), где «работали уже состоявшие ученые и философы, исследуя какую-либо тему или публикуя труды» [8, с. 287].

Известно также, что софисты опирались на практику диалогического спора в античности, который, согласно Ф. Кессиди, охватывал различные стороны жизнедеятельности общества, включая «публичное обсуждение законов, олимпиады, театральные представления или судебные тяжбы» [19, с. 94]. Поэтому состязание в речах, борьба мнений и свобода критики являлись идеально-духовной сферой политики и культуры, философии и науки, своеобразным «пространством бурлящей агоры» [25, с. 29]. Однако, обучая разнообразным приемам спора и доказательства, софисты разрабатывали в основном логические, лингвистические

и психологические правила и приемы убеждения лишь как средства, чтобы «отстаивать или опровергать любой тезис, не считаясь с его истинностью или ложностью, и употреблять искусство спора (эристику) ради спора» [38, с. 903]. Признавая заслуги софистов в открытии некоторых правил логического мышления, ученые Н. Кондаков, М. Новоселов указали на особенность субъективного подхода софистов и софистики в познании, связанную с сосредоточением внимания на подборе разнообразных «словесных ухищрений и уловок» [20, с. 564], основанных на многозначности слов и подмене понятий, которые позволяют «представить спор как искусство “словесного проворства” с целью формальной или юридической победы, даже если при этом приходится идти на намеренную фальсификацию вывода» [38, с. 900]. Поэтому Аристотель писал: «...как в состязании борцов нечестность приобретает определенный вид, так и эристика в споре есть борьба нечестными средствами» (Арист. «О софист. опроверж.» 171 в 20-25) [3, с. 85]. Он указал, что в эристике и софистике применяются одни и те же доводы, но с разной целью: в эристике – ради мнимой победы, в софистике – ради мнимой мудрости.

В итоге термины «софист, софистика» стали характеристикой лиц и приемов спора, основанных на сознательном применении ложных аргументов как заведомо ложных положений, выдаваемых за истину, использовании словесных и логических уловок, софизмов как мнимых доказательств, в которых заключение только кажется обоснованным в силу субъективного впечатления, обусловленного недостатком логического или семантического анализа.

Рассматривая гносеологическую основу софистики, А. Ахманов указал на постановку в V-IV вв. до н.э. вопросов об источниках, средствах и методах познания, о роли чувственного восприятия и мышления в познании вследствие развития греческой науки и философии. В отличие от милетской, пифагорейской и элейской школ философии, софисты выражали сомнение или отрицали познаваемость объективного мира, стояли на позициях субъективного критицизма, разрушавшего убежденность в познаваемости объективной истины, и релятивизма как «учения о том, что все в мире относительно, а истина зависит от условий, места, времени, обстоятельств и человека» [36, с. 796]. В учениях софистов Протагора, Горгия и др. утверждение того, что «человек есть мера всех вещей» (Платон. Теэтет. 252 а) [27, кн. 1, с. 858], а «истина относительна» [20, с. 564], привело к позиции, что человек познает лишь «результат воздействия изменяющейся действительности на органы чувств и сознание» [6, с. 29], вследствие чего «стирается граница между истинным и ложным» [Там же], возможно опровергать и доказывать все, что угодно, и поэтому «софистика вырождается в жонглирование словами, в фальшивые приемы доказательства истинности и ложности чего-либо одновременно» [20, с. 564]. Критикуя софистов и их искусство словопрения (риторику), которое употребляется в судах и народных собраниях, а также во всяких беседах, Платон говорил, что софистам «нет необходимости понимать, что действительно справедливо, хорошо и прекрасно – достаточно знать то, что кажется, представляется таким большинству, которое будет судить», поэтому софист может «представить одно и то же дело одним и тем же слушателям то справедливым, то, если захочет, несправедливым; иногда хорошим, а иногда наоборот» (Платон. Федр 260, 261 d) [27, кн. 1, с. 817, 819]. В итоге софисты находили аргументы для любых противоположных мнений.

Обосновавшись на позициях отрицания познаваемости объективного мира и объективной истины, софисты сформулировали принцип субъективной обусловленности всякого знания. Следствием этого принципа, отмечает П. П. Гайдено, становится «релятивизм и скептицизм софистов в теории познания, а в практически-нравственной сфере это ведет к произволу индивидуума, руководствующегося чувственными склонностями, не знающего иного верховного начала, кроме частного интереса» [9, с. 106]. Также это приводит к подмене понятий «выгода» и «благо», и в этике релятивизм софистов превращается в аморализм. Именно принцип субъективной обусловленности всякого знания стал основой эристики софистов, которая сформировалась как «методология риторической практики, основанная на сознательном нарушении принципов логики и гносеологии ради победы в споре любой ценой» [38, с. 903]. Поэтому Аристотель называл софистику «искусством наживы с помощью мнимой мудрости» (Аристотель. «О софист. опроверж.» 171 в 25-30) [3, с. 86].

Таким образом, особенностью субъективного подхода софистов в познании стало сосредоточение внимания на разработке разнообразных познавательных приемов в виде уловок и ухищрений, связанных с многозначностью слов и подменой понятий, с целью победы в споре, дискуссии даже ценой фальсификации основных положений и выводов. Гносеологической базой софистики был субъективизм, основанный лишь на чувственности и индивидуальности познающего, приведший в сочетании с критицизмом к разрушению мировоззренческой позиции в познаваемости объективного мира и истины в познании. Следствием субъективного подхода софистов в познании стал релятивизм как направленность на абсолютизацию относительности любых знаний. Характеризуя релятивизм как философскую позицию, В. А. Лекторский указал на такие специфические черты релятивизма в познании, как отрицание существования истины, независимой от определенной понятийной конструкции, а также отказ от общеобязательной и объективной истины. Вследствие этого формируется установка в познании, что «истина своя если не у каждого человека, то у каждой системы понятий, поэтому бессмыслен спор о том, что имеет место на самом деле» [28, с. 8]; а следование релятивистской установке в познании приводит к отказу от таких основополагающих ценностей культуры, как «ориентация на поиск истины и получение знания, рациональности, исключение возможности критической дискуссии, если у каждого свои критерии рациональности и обоснованности» [Там же].

Далее необходимо раскрыть специфику и следствия объективного подхода к основаниям познания в логике, прослеживая черты рационализма в познании.

3. Специфика и следствия объективного подхода

в исследовании оснований познания в логике Аристотеля в отличие от софистов

Чтобы раскрыть специфику и следствия объективного подхода в исследовании оснований познания в логике Аристотеля в отличие от субъективного подхода софистов и выявить черты рационализма в познании, сложившиеся в античности, необходимо, *во-первых*, охарактеризовать учения о рациональном познании Сократа, Платона и Аристотеля как гносеологическую основу логики в отличие от учения софистов; *во-вторых*, рассмотреть в научной литературе две основные линии становления логики, раскрывающие ее задачи в рациональном познании в отличие от позиций софистов; *в-третьих*, проследить отличие логики от софистики в разработке способов рационального познания.

1) Развитие объективного подхода в учениях о рациональном познании Сократа, Платона и Аристотеля как гносеологическая основа логики

Рассматривая учения Сократа, Платона и Аристотеля о рациональном познании в качестве гносеологической основы логики в исследовании оснований познания, отметим, что общей особенностью их учений является ориентация на поиск внеопытных, универсальных принципов, методов и средств рационального познания. Сократ развивал критику в форме иронии субъективизма и релятивизма софистов с целью обличить и «поставить под сомнение мнимое знание» [1, с. 42], вскрыть его относительность и обусловленность лишь опытом, обстоятельствами, чувственностью и индивидуальностью познающего, а также выявить противоречивость в рассуждениях, намерениях и действиях субъектов познания. В отличие от софистов Сократ заложил установку в познании, согласно которой знание и истина не могут быть переданы и восприняты в готовом виде как набор положений и формул. Знание нельзя «передать или продавать подобно изготовленной вещи или некоей полноте содержания, непосредственно передаваемой в письменной или устной форме» [Там же], ибо задача познания не в том, чтобы приобрести знания, а в том, чтобы существовать определенным способом на основе знания, «стараясь заботиться о том, как быть что ни на есть лучше и умнее» (Платон. Апология Сократа, 36 в-с) [27, кн. 1, с. 105]. В противоположность софистам подлинным субъектом познания и действия признавался разум как сверхопытный, «надындивидуальный слой сознания, который не зависит от произвола индивидуального чувственного “Я”» [9, с. 106], позволяя «подняться до точки зрения всеобщности, представленной логосом, чтобы подчиниться требованиям разума» [1, с. 92]. Методом познания Сократа стала диалектика – диалоговый способ поиска *сущности* как внеопытного, универсального, объективно истинного знания и понимания посредством понятий, относящихся к форме, *логосу* и *топосу* речи, в отличие от субъективизма софистов, практиковавших спор ради победы или мнимой мудрости и использовавших убеждение, ибо «знать *существо* дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки... о высшем благе несколько не думает» (Платон. Горгий. 459 в-с, 464 d) [27, кн. 1, с. 273].

Характерной чертой рационального познания у Платона и Аристотеля, в отличие от софистов, стала связь с терминами «идея», «идеальный предмет». Поскольку идеи есть истинные сущности, посредством которых возможно видеть и понимать предметы и мир как *есть* в действительности, объективным и всеобщим способом и образом, то именно идеи рассматривались как рациональные основания познания и бытия человека. В познании *идеи* как *рациональные структуры* указывают, *во-первых*, на условия и правила понимания предметов в пространстве формы, предшествующие нашей способности знать и воспроизводить познание; *во-вторых*, на возможность рационального обсуждения предметов в виде общезначимых, поддающихся доказательству, аргументации и опровержению высказываний. В диалоге «Государство» Платон указывал: «Кто не в состоянии привести разумный довод или его воспринять, тот никогда не будет знать ничего из необходимых знаний» (Платон. Гос. 531 е) [Там же, кн. 2, с. 343].

Исследуя природу обоснования, Е. Никитин указал в качестве важной черты рационального познания у Платона и Аристотеля разработку процедуры теоретического обоснования посредством идей как «оснований осмысленного существования вещи и ее структуры» [26, с. 142]. В итоге, в отличие от софистов, следствием объективного подхода в поиске оснований познания Платоном и Аристотелем является утверждение и понимание рационального знания «как высшей формы познавательной деятельности, отличной от других познавательных форм (мнения и чувственного восприятия) своим объектом (идеи), характером (обоснованностью) и способом принятия его человеком» [Там же, с. 144]. Аристотель, рассматривая обоснование как универсальный феномен, считал, что наукой об обосновании является первая философия (метафизика), так как в отличие от частных наук она исследует сущее как таковое, высшие основания бытия, а также основания познания – «аксиомы всей науки, науки как таковой» [23, с. 265]. «Тому, кто познает сущее как таковое, надлежит исследовать и аксиомы» (Ар., Мет. 1005 а 19-28) [4, с. 124]. Обозначая «основания» терминами «начало», «причина», он указал общность всех оснований бытия и познания: «...они суть первое, откуда то или иное есть, или возникает, или познается» (Ар., Мет. 101 а 17-22) [Там же, с. 145]. Поэтому, создавая аналитику, Аристотель считал, что она описывает «путь познания вещей через их сущность и причины (основания)» [22, с. 86], а под термином «анализ» понимал «сведение сложного образования к его первейшим элементам и началам, познание сущности и опосредование явления через эту сущность, а затем сведение самой сущности к высшим первоначалам бытия и познания» [Там же, с. 86-87], поэтому аналитика рассматривалась как «звено, соединяющее философию с науками» [31, с. 149]. Специфика постановки вопроса об обосновании у Аристотеля заключается в учении о *форме*, представленной в логике в качестве активного начала (основания) мышления. Поэтому основаниями познания в логическом учении Аристотеля выступают категория «*форма*» и *логические законы* как высшие и притом непроеизводимые и недоказуемые начала познания.

Таким образом, гносеологической основой логики стал объективный подход в познании, заложенный в учениях мыслителей классической античной философии Сократа, Платона и Аристотеля. Его общей чертой является ориентация на поиск внеопытных, универсальных, постигаемых разумом принципов, методов и средств познания сущности, связанных с формой как объективно существующим порядком (*логосом* и *топосом* знания) и выраженных в языке понятий, идей как рациональных структур познания. В отличие от субъективного подхода в познании софистов, опирающихся лишь на эмпирические, чувственные, индивидуальные аспекты познания и убеждение, следствием объективного подхода в познании стали, во-первых, разработка процедуры теоретического обоснования посредством рациональных средств познания (понятий, идей и связанных с ними средств и доводов) как важнейшей особенности рационального теоретического знания, во-вторых, выдвигание научного знания как высшей формы познавательной деятельности, важнейшими чертами которой становятся объективность и обоснованность. Поэтому логика разрабатывалась как наука, связанная с анализом сущности объектов познания как рационального знания (элементов и начал знания) и логических оснований рационального знания в виде универсальных форм научно-познавательной деятельности и логических законов как высших начал познания.

2) Задачи логики в рациональном познании в отличие от позиций софистов

Рассматривая специфику и следствия объективного подхода в поиске оснований рационального познания в логике, в научной литературе можно выделить две основные линии становления логики, раскрывающие ее задачи в отличие от позиций софистов. Одна линия прослеживается в работе Б. Грязнова, где показано, что ораторское искусство стало областью исследования силлогистики Аристотеля. Ученым были выделены две особенности ораторского искусства: «...во-первых, красноречие убеждает, но внушает веру, а не знание, во-вторых, сами условия произнесения речи заставляют оратора убеждать таким образом» [11, с. 238]. В диалоге Платона «Горгий» говорится: «...оратор в судах и других сборищах не поучает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру, и только. Ну, конечно, ведь толпа не могла бы постигнуть столь важные вещи за такое малое время» (Платон. Горгий. 455 в) [27, кн. 1, с. 268]. Убеждение в речах ораторов достигалось как с помощью простых доказательств и опровержений, с использованием ссылок на факты, примеров, так и искусственных – на основе выбранных аргументов и связи между ними. Однако, подчеркивал Б. Грязнов, искусственное доказательство софистов есть «доказательство только по видимости, а по сути это процедура убеждения, формирующая веру, и оратор идет на уловки, софизмы, сознательный обман с тем, чтобы добиться цели» [11, с. 238]. Поэтому, указывает М. Вольф, задачей софистов было «произведение посредством логоса необходимого эффекта на аудиторию» [8, с. 292].

В отличие от софистов Аристотель поставил теоретическую задачу – как совместить знание (истину) с процессом убеждения – и вел поиск объективного, независимого от искусства оратора решения этой задачи. Способом решения этой задачи, считал Б. Грязнов, стала силлогистика, т.к. «истинность и убедительность силлогизмов заключена в их структуре, форме» [11, с. 239]. Вследствие этого, как отмечается в диссертации И. Грифцовой, одно из значений термина «форма» в логике указывает на познание структурных аспектов рассуждений, правил перехода от посылок к заключениям на основании строения, структуры посылок, а не их содержания. Поэтому сама идея формальной логики была произведена Аристотелем вследствие того, что он «сосредоточил внимание на следовании как таковом, искал базовые зависимости, которые бы гарантировали общезначимость заключения» [10, с. 54-55]. Значит, ораторское искусство софистов стало областью критического исследования логики Аристотеля с целью осмыслить объективные основы различных типов рассуждений и создать силлогистику как логическую теорию.

В работах А. Ахманова, В. Бочарова, В. Соколова и др. выявлена другая линия становления логики в отличие от софистов – как теории доказательства и основы общей теории рассуждения. В работах «Аналитики» и «Топика» Аристотель исходил из понимания, что знание и его основания должны быть всеобщими и необходимыми, а научная теория есть доказательное знание. В отличие от тезиса софистов об отсутствии безотносительно достоверного знания, Аристотель отстаивал тезис, что кроме знания, подлежащего доказательству, есть недоказуемые общие начала всех наук, познаваемые диалектическим путем (аксиомы всех наук и законы логики). В этой связи Аристотель разрабатывал диалектику, теорию аподиктического (необходимого, достоверного, доказательного) знания и аналитику как «доказывающую науку, цель которой <исследовать> доказательство» [2, с. 9], в то время как, в отличие от учения Аристотеля об объективных основаниях познания, гносеологическая основа софистов (субъективизм и релятивизм) оказалась «достаточной базой не для теории доказательства, а лишь для теории убеждения софистов, развитой в их риторике» [6, с. 31-32]. Подтверждая это, А. Ахманов показал, что основные различия, существующие между убеждением и доказательством, заключаются в двух главных чертах: во-первых, опорой теории убеждения являются «закономерности психики и те обстоятельства, которые вызывают психическое состояние уверенности» [Там же, с. 32], а теория доказательства основана на «логических законах и приемах объективного различения истины и ложности» [Там же]; во-вторых, целью убеждения является «лишь создать у убеждаемого уверенность в истинности тезиса» [Там же], причем независимо от его соответствия действительности, а целью доказательства является «установление самой объективной истины, а не достижение субъективной убежденности в обладании истиной» [Там же]. Основываясь на указанных различиях между убеждением и доказательством, Аристотель исследовал законы логики, как высшие основания познания в качестве фундамента доказательного рассуждения и системы строго доказательного знания, и разработал логику как «основу определенных методов познавательной деятельности» [30, с. 119], «общую теорию рассуждения и теорию доказательства объективной истины» [6, с. 32].

В этой связи можно заключить, что вследствие необходимости «выявления объективных критериев истины» [33, с. 95] и необходимости «спасти науку от софистического скептицизма и субъективизма» [Там же]. существование науки оказалось зависимым и от логики. Поэтому в учении Аристотеля о познании логика как орудие правильного доказательного мышления становится необходимым звеном, соединяющим философию с науками, влияющим на «характер и направленность теоретико-познавательных исследований» [7, с. 4].

Таким образом, анализ изученной литературы позволяет заключить, что субъективный подход в познании софистов, разрабатывавших теорию убеждения, был основан на закономерностях психики и обстоятельствах, вызывающих психическое состояние уверенности с целью победы в споре и достижения нужного эффекта воздействия на аудиторию посредством фактических либо мнимых доказательств с использованием намеренных уловок и ухищрений. В то время как специфика объективного подхода в поиске оснований познания в логике заключается в двух чертах: *во-первых*, в постановке теоретической задачи о совмещении знания с процессом убеждения, для решения которой была создана силлогистика, исследующая формальные, структурные аспекты рассуждений, правила перехода от посылок к заключениям на основании строения посылок, а не их содержания и объективные закономерности, гарантирующие общезначимость заключения в силлогизмах; *во-вторых*, в постановке цели создания общей науки о доказательстве, основой которой стали логические законы как принципы рационального познания объективной истины и приемы объективного различения истины и лжести. Следствием объективного подхода в поиске оснований познания в логике стало создание силлогистики и теории доказательства как части теории научного познания, в то время как гносеологические позиции софистов привели лишь к созданию теории убеждения, развитой в их риторике, использующей сознательное нарушение принципов познания и различные приемы убеждения лишь ради победы в споре.

3) Отличие логики от софистики в разработке способов рационального познания

Специфика объективного подхода к проблеме оснований познания в логике Аристотеля, обусловившая отличие рационализма в познании от релятивизма софистов, прослеживается при характеристике способов познания, разработанных в логике и софистике. Уже в диалогах Платона давалась характеристика способов (приемов) убеждения софистов как обладателей мнимого знания обо всем, а не истинного, например, в диалоге «Софист» говорится: «Софист есть не что иное, как род людей, наживающих деньги при помощи искусства словопрения, прекословия, спора, сражения, борьбы и приобретения» (Платон. Софист. 226) [27, кн. 1, с. 955]. Известно, что софисты использовали такие способы убеждения, как «влияние на чувства, использование заинтересованности и т.д., лишь бы эти приемы порождали психологический эффект, состояние уверенности в обладании истиной» [6, с. 32]. Также софисты развивали умение учитывать смысловую и звуковую сторону речи (в виде антитез, симметрии слогов, созвучий), использовали софизмы – умозаключения и рассуждения, убедительность и лишь видимая правильность которых связана с намеренными ошибками, многозначностью и смешением значений терминов. Продолжая путь противостояния теории и практики ораторского искусства софистов вслед за Платоном, Аристотель в противоположность софистике как теории убеждения, основанной на мнимом знании, в трактате «О софистических опровержениях» провел систематический разбор софизмов, с помощью которых можно в споре получить обманчивую видимость победы. Он выделил различные цели, которые преследуют софисты в спорах, и вскрыл два вида софистических ошибок. Среди целей софистов в спорах Аристотелем были указаны: «...создать видимость того, что они опровергают; показать, что собеседник говорит ложь, чтобы заставить его утверждать то, против чего имеется много доводов; привести его к тому, что не согласуется с мнением большинства; заставить своими доводами отвечающего делать погрешности в речи; принудить отвечающего к пустословию» (Аристотель. «О софист. опроверж.» 165 в 15-20) [3, с. 66]. К наиболее распространенным софистическим ошибкам Аристотелем были отнесены как ошибки языкового происхождения (омонимия, амфиболия, неправильное соединение и разделение, просодия), так и ошибки неязыкового происхождения – софизмы и паралогизмы.

Значит, указал А. Ахманов, несмотря на пользу исследований логических и грамматических форм и связей для науки убеждать, «злоупотребление приемами обоснования и опровержения положений, в частности недобросовестное использование софистами в рассуждениях многозначности словесных выражений и игра паралогизмами, оказалось решительным препятствием для выработки ими логической теории» [6, с. 31]. В итоге, в отличие от риторики у софистов как орудия убеждения, Аристотель создал логику как орудие правильного доказательного мышления на основе учения о высших основаниях познания и учения о форме. Характеризуя законы логики как высшие основания познания, В. Ф. Асмус отмечал их объективный характер, так как они «присущи всем действиям правильного мышления и обусловлены свойствами материального мира, в соответствии с которыми сложились все формы мышления» [5, с. 14-15]. Ю. В. Ивлев указал на методологическое значение законов логики в познании как общих требований, «которым должны удовлетворять наши рассуждения и логические операции с мыслями, если мы ставим цель постигать истину рациональными средствами» [15, с. 192]. Вследствие создания на основе законов логики общей теории рассуждения и теории доказательства объективной истины логика стала «формой для публичного использования разума» [33, с. 97].

В итоге, в отличие от софистов, для которых «обязательной связи между риторикой и логикой не существовало, и вопросы логики рассматривались ими только с точки зрения техники спора» [17, с. 28], Аристотель смог разработать «приемы для различения правильных и неправильных способов рассуждения» [7, с. 4]. Поэтому, противопоставив искусство испытания разумом силлогизма эристике и софистике как мнимой мудрости, выступая против риторики софистов, чья аргументативная деятельность была ориентирована скорее на веру без знания, убеждение без рационального обоснования, преследовала цель не поиска истины, а победы

в споре любой ценой» [14, с. 45], Аристотель «положил начало систематическому изучению аргументации как способа познания» [Там же, с. 6]. Также он заложил основы научных исследований проблем риторики как искусства красноречия, связанного с рациональными аспектами убеждения и заключающегося «в нахождении общих принципов и методов, которые применяются во всех науках и воздействуют скорее на разум, чем на чувства и эмоции человека» [Там же, с. 45-46]. Отмечая немаловажное значение риторики в наследии Аристотеля, в диссертационной работе Н. Заленской отмечается, что для него тема аргументации была более значимой, и ее особенностью стала связь эпистемологии и логики с этикой, так как этические нормы, связанные с аргументацией, «задаются понятиями блага, истины, справедливости, а истина, благо и успех в делах оказываются взаимосвязаны» [Там же, с. 48].

Таким образом, проведенное исследование научных источников показало, что различие софистики и логики в способах познания заключается в следующем: в риторике софистов, развивавшейся как орудие убеждения, вопросы логики рассматривались только с точки зрения техники спора, а различные способы убеждения разрабатывались с целью получить лишь видимость победы в споре, поэтому широкое распространение получили приемы недобросовестного обоснования и опровержения положений, связанные как с преднамеренными ошибками языкового происхождения, так и неязыкового происхождения (софизмы и паралогизмы). В то время как в логике Аристотеля, которая развивалась на основе учения о высших основаниях бытия и познания и учения о форме как орудии правильного доказательного мышления в целях постижения истины рациональными средствами, с помощью теории доказательства объективной истины и силлогистики были выявлены объективные основы различных типов рассуждений и разработаны логические приемы для различения правильных и неправильных способов рассуждения, а также заложены основы систематического изучения теории аргументации, связанной с этическими нормами рациональной коммуникации.

В заключение отметим, что вследствие того, что «логика возникла не столько из-за потребностей риторики и эристики, сколько из потребностей науки» [6, с. 32], она считается специальной дисциплиной, которая «оказывается пропедевтикой по отношению ко всем другим областям интеллектуальной деятельности» [32, с. 46], ее приложение к научному познанию способствует развитию науки, а «выведенные правила сами по себе являются ценным вкладом в познание» [33, с. 95]. Поэтому научная рациональность, связанная с развитием «понятий и принципов получения, обоснования, проверки знания... опирается на классическую логику» [13, с. 12].

Выводы

Подводя общие итоги работы в соответствии с поставленной целью, можно отметить, что проведенный анализ подходов к проблеме оснований познания в античности показал, что в отличие от учений софистов, гносеологической основой которых стал принцип субъективной обусловленности знания, ведущий к релятивизму в познании, логика развивалась на фундаментальной гносеологической основе, заложенной в учениях Сократа, Платона и Аристотеля об объективных основаниях, критериях и средствах познания, постигаемых разумом. Исследования оснований рационального познания в логике позволили: во-первых, провести анализ теоретической задачи о том, как совместить знание с процессом убеждения, критически исследовать ораторское искусство софистов с целью осмыслить объективные основы разных типов рассуждений и разработать формально-логические критерии отличия правильных рассуждений от неправильных, изучить вопросы логического следования, установить критерии общезначимости и достоверности выводов и создать силлогистику, ставшую ядром логики; во-вторых, осмысление проблемы доказательности в науке и философии позволило создать логику как общую теорию рассуждения и теорию доказательства объективной истины, исследовать логические приемы познания и деятельности, позволяющие корректно работать с понятиями, познать законы и приемы объективного различения истины и ложности как основу теории доказательства и аргументации, имевшую общенаучное значение. Вследствие этого логика стала значимым фактором развития научной рациональности и противостояния релятивизму в познании.

Научная значимость исследования проблемы оснований познания в античной философии и логике для современной теории познания, эпистемологии и философии науки заключается в его связи с существующими требованиями к научно-философскому познанию, которые характеризуют общие черты научной рациональности, имеющие важное значение на всех этапах исторического развития науки, состоящие в том, «что научное знание отлично от мнения, что оно должно быть обосновано и доказано, что наука не может ограничиваться непосредственными констатациями явлений, а должна раскрыть их сущность» [34, с. 318]. Проведенное исследование показало, что поиск оснований рационального познания в классической античной философии и логике в противостоянии с субъективизмом и релятивизмом софистов в познании способствовал разработке учения о логических принципах и формах рационально-организованного, обоснованного и доказательного знания, характеризующих общие черты научной рациональности. Исследования оснований познания в античной логике позволяют реализовать принцип разумного миропонимания и рационального обоснования как путь научного познания. Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в учебных курсах по логике, теории познания, философии и методологии науки.

Список источников

1. Адо П. Что такое античная философия / пер. В. Гайдамака. М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1990. 320 с.
2. Аристотель. Аналитики первая и вторая / ред. М. Иткин. М.: ГИПЛ, 1952. 488 с.
3. Аристотель. О софистических опровержениях // Логика и риторика: хрестоматия / сост. В. Берков, Я. Яскевич. Мн.: Тетра-системс, 2007. С. 64-126.

4. **Аристотель.** Собрание сочинений: в 4-х т. / общ. ред. В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
5. **Асмус В. Ф.** Логика. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 392 с.
6. **Ахманов А. С.** Логическое учение Аристотеля. М.: УРСС, 2002. 312 с.
7. **Бочаров В. А.** Аристотель и традиционная логика. М.: Изд-во МГУ, 1984. 136 с.
8. **Вольф М. Н.** Софистическое образование // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12. Вып. 1. С. 287-297.
9. **Гайденок П. П.** История греческой философии в ее связи с наукой. М. – СПб.: ПЕР СЕ; Университетская книга, 2000. 319 с.
10. **Грифоца И. Н.** Соотношение формальной и неформальной логики: философско-методологический анализ: дисс. ... д. филос. н. М., 1999. 300 с.
11. **Грязнов Б. С.** Логика. Рациональность. Творчество. М.: Наука, 1982. 256 с.
12. **Гусейнов А. А.** Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 4-17.
13. **Даниелян Н. В.** Роль конструктивизма в развитии научной рациональности: автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2013. 31 с.
14. **Заленская Н. С.** Специфика философской аргументации: дисс. ... к. филос. н. Тюмень, 2011. 146 с.
15. **Ивлев Ю. В.** Логика для юристов. М.: Проспект, 2010. 272 с.
16. **Истина в науках и философии** / под ред. И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2010. 496 с.
17. **История логики** / под ред. В. Беркова, Я. Яскевича. Мн.: Новое знание, 2001. 170 с.
18. **Касьян А. А., Кудряшев А. Ф.** Основания знания и объективность // Вопросы философии. 1986. № 6. С. 22-30.
19. **Кессиди Ф. Х.** Загадка бурного расцвета греческой философии // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 91-97.
20. **Кондаков Н. И.** Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 719 с.
21. **Лекторский В. А.** Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26-34.
22. **Луканин Р. К.** Органон Аристотеля. М.: Наука, 1984. 303 с.
23. **Мамардашвили М. К.** Лекции по античной философии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 304 с.
24. **Мамардашвили М. К.** Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. 400 с.
25. **Мамардашвили М. К.** Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2011. 288 с.
26. **Никитин Е. П.** Природа обоснования (субстратный анализ). М.: Наука, 1981. 176 с.
27. **Платон.** Диалоги: в 2-х кн. М.: Эксмо, 2008. Кн. 1 / пер. М. Соловьева, Я. Боровского, А. Болдырева, В. Соловьева, С. Маркиша и др. 1232 с.; Кн. 2 / пер. Н. Самсонова, А. Егунова, С. Аверинцева, С. Шейнман-Топштейн и др. 1360 с.
28. **Релятивизм как болезнь современной философии** / под ред. В. Лекторского. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.
29. **Слинин Я. А.** Аристотель и онтологические основания логики. СПб.: Наука, 2013. 358 с.
30. **Смирнова Е. Д.** Природа логического знания и обоснование логических систем // Логические исследования. 2017. Т. 23. № 1. С. 105-120.
31. **Соколов В. В.** Философия как история философии: учебно-научное пособие. М.: Акад. Проект; Фонд «Мир», 2012. 845 с.
32. **Сорина Г. В., Грифоца И. Н.** Аристотелевская логика: эволюция поиска предмета // Вестник Московского государственного университета. 2018. № 1. С. 45-49.
33. **Сорина Г. В., Меськов В. С.** Логика в системе культуры // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 93-103.
34. **Степин В. С.** Философия и методология науки. М.: Акад. Проект; Альма Матер, 2015. 716 с.
35. **Стоцкая Т. Г.** Феномен рациональности: исторические и типологические формы: автореф. дисс. ... д. филос. н. Чебоксары, 2010. 48 с.
36. **Философия: энциклопедический словарь** / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
37. **Швырев В. С.** Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 91-106.
38. **Энциклопедия эпистемологии и философии науки** / под ред. член-корр. РАН И. Т. Касавина и др. М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
39. **Evangelidou Christos C.** Aristotle and western rationality // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. Вып. 1. С. 9-39.

**RATIONALISTIC AND RELATIVISTIC APPROACH
TO STUDYING THE PROBLEM OF COGNITION FOUNDATIONS
IN ANTIQUE PHILOSOPHY: LOGIC AND SOPHISM**

Egorova Ol'ga Anatol'evna

*South Ural State University (National Research University) in Chelyabinsk
egorovaoa@susu.ru*

The paper analyses cognition foundations in antique philosophy formulated in Aristotle's logic in contrast to sophists' doctrines. The author reveals theoretical-cognitive and cultural-historical premises of logic formation in the Greek philosophy. It is shown that Aristotle's logic, contrary to sophism, was initially focused on the problem of cognition foundations. The paper justifies the thesis that, in contrast to the sophistic doctrine based on subjectivism and relativism, Aristotle developed logic as a general theory of reasoning and a theory of argumentation, as a rational doctrine of universal objective scientific cognition.

Key words and phrases: foundations of rational cognition; premises of logic formation; form; essence; principles of logic; syllogistics; theory of argumentation; sophism; relativism.